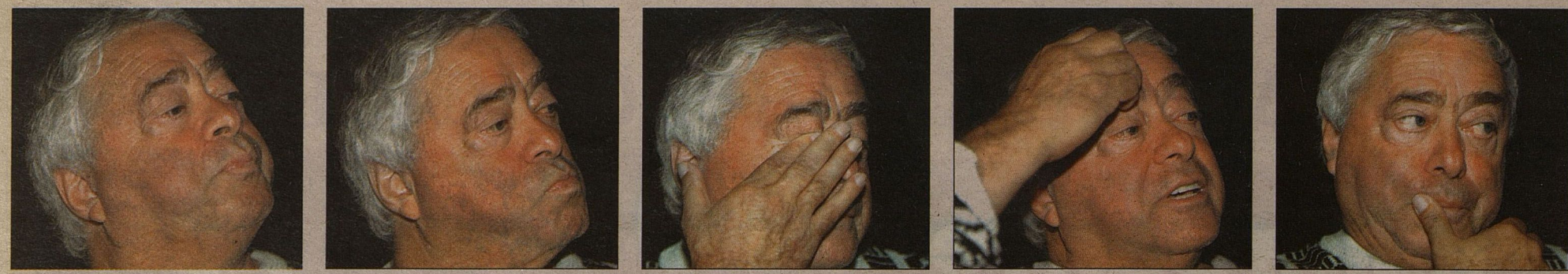

29.09.2004

Клоунада Карцева

Карцев Роман

Роман Андреевич, как и положено мужчине в полном расцвете творческих сил, толстеет, седеет и... взрослеет (не хочется говорить – стареет). Тем интересней в общении с ним наблюдать, как мэтр сатиры вдруг по-юношески взрывается и начинает гримасничать. Ну, ей-богу, как в незабываемых миниатюрах прошлого века, которые он делал вместе с Ильченко и Жванецким...

Подтягиваю сына до своей фамилии

— Роман Андреевич, на днях в ГЦКЗ «Россия» прошёл ваш бенефис, творческий отчет, как говорили раньше. А кто идет вам на смену, разглядеть можете?

— Болезненная тема. Смешно сказать, но я практически не знаю нового поколения, работающего в моем жанре.

— Неужели ни одного имени не вспомните?

— Нет, ну почему, могу. Есть в общем-то удачные ребята. Скажем, Песков. В рамках своего жанра он работает очень неплохо. Пластика, мимика — все на высоком актерском уровне. Потом... Ну, кого еще можно назвать, даже не знаю. Юмор на телевидении — это конечно же «Городок»... Но личностей явно стало меньше. Юмор остался, а сатира исчезла. И драматизм исчез. От этого стало как-то скучно. Эстрада сейчас только развлекает, не цепляет. И все вокруг, естественно, измельчало.

Последние 20—30 лет лучшими в нашем жанре были, пожалуй, Хазанов и Полунин. Но Полунин теперь все больше за границей, а Хазанов увлекся театром.

— Геннадий Викторович объясняет это тем, что в провинции он сейчас никому не нужен, а для концертов в Москве нужна дорогая реклама...

— Не надо. Я очень люблю провинцию. Уже 42 года гастролирую и могу вам сказать, что очень часто московский зал бывает куда тяжелее омского, красноярского или краснодарского. А вообще тут все зависит от актера и от пишущего для него автора.

У Хазанова последнее время были проблемы с хорошими авторами. Потому и вещи получались довольно слабыми. Он начал делать спектакли. Что я могу о них сказать? Это смотрится достойно, но переворота в театре он не сделал и, наверно, уже не сделает.

— А театр, по-вашему, тоже измельчал?

— Опять болезненная тема! Раньше в стране всегда было десять—двадцать гениальных актеров и около сотни оч-чень талантливых. Когда я приехал в Ленинград, там были Копелян, Басилов, Стрельчик, Юрский, Лебедев... А сейчас в театре и кино талантливых людей можно пересчитать по пальцам. Давайте посмотрим, кто подрос? Ну Евгений Миронов. Замечательный актер, достойный всех тех имен, что я назвал. Ну Суханов, ну Лазарев, ну Машков, ну Безруков. Можно еще кого-то назвать, но этого очень мало!

— Вам самому не хочется поработать в настоящем большом спектакле с другими актерами?

— Уже пробовал, и как-то не идет. Отвык от коллектива. Я очень долго работал с Витькой (Виктор Ильченко — многолетний партнер Карцева по сцене. — Прим. авт.), и мне теперь трудно работать с другими. Потом, зачем обязательно делать большой спектакль со множеством актеров? Вот я уже третий год играю «Зал ожидания» по

— Тогда спрошу: как вы относитесь к спектаклям Гришковца? Он сейчас безусловный чемпион нашего театра по контакту со зрителем.

— Я был на его спектакле «Как я съел собаку». Это хорошо, душевно, непошло. Одним словом, Гришковец — молодец. Что самое ценное — у него есть своя, сразу узнаваемая интонация.

Ильченко скорее всего сейчас был бы режиссером

— Вы недавно написали книгу о себе, Ильченко и Жванецком — «Малой, Сухой и Писателе». Стоит ли нам ждать чего-то нового?

— Нет. Все, что было, выплеснул в той книге.

— А что вы можете сказать о Сухом и Писателе?

— Вити мне очень не хватает. Я уже 12 лет без него. А до этого 30 лет — с ним. Он был не просто партнером, а настоящим другом! Гастроли, репетиции, гостиницы — всегда вместе. Мы с ним были совсем разными. Я — вспыльчивый, сумасшедший. А он — спокойный, рассудительный, всегда сначала думает, потом делает. Он вообще был очень умный. Везде, где учился, красные дипломы получал. В 25 лет — уже начальник отдела испытания новой техники при пароходстве. А тексты как заповинал! Только пляшет на листик — и уже все помнит.

— А вы?

— Я тексты тяжело учу. А Вите с такой памятью легко было. А как он Москву знал! Лучше любого таксиста. И Одессу знал луч-

Даже если позвонит президент, скажет: «Слышь, Рома, приди, пожалуйста, выступи...» — я еще сильно подумаю, идти мне или нет.

Семену Альтову. Это настоящий спектакль, в нем 5—10 характеров. Здесь и комедия, и трагедия. Настоящий юмор вообще всегда немного грустный. А сейчас с сыном Павлом репетируем спектакль по Хармсу.

— Не слишком рискованно для нашего зрителя?

— Хочется верить, что нет. Хотя на самом деле конечно же это риск, но мне нравится хармсовский юмор. Мне почему-то кажется, что на Хармса пойдут. Не только взрослые, но и дети. Они вообще лучше понимают абсурдный юмор.

Спектакль получается сложный, а у моего Паши нет театрального образования. Хармс — это же как Жванецкий. Нет, даже сложнее. Без реприз, без хохм, а смешно. Паша, правда, работал в сериалах, вот на РЕН-ТВ сейчас идут «Солдаты», он там играет сержанта, старика...

— «Деда».

— Ну да, «деда».

— Неплохой сериал. И сын ваш выглядит достойно.

— Правда? (При этих словах Роман Андреевич просиял.) Наш спектакль будет подаваться так: «Роман Карцев и сын. Школа клоунов». Мы там работаем в непосредственном контакте со зрителем.

ше меня, хотя не коренной одессит — родом из Воронежской области.

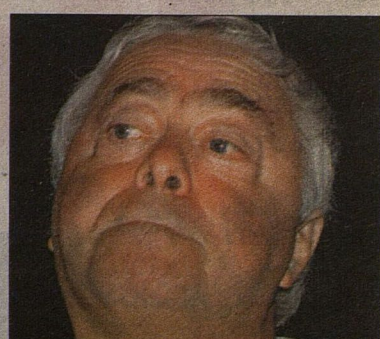
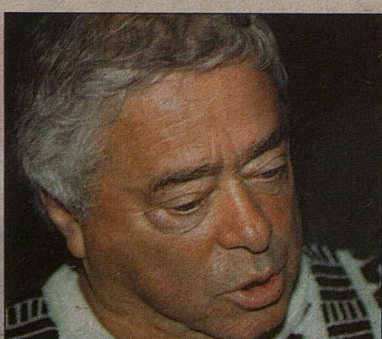
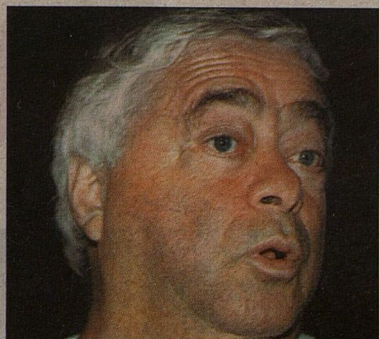
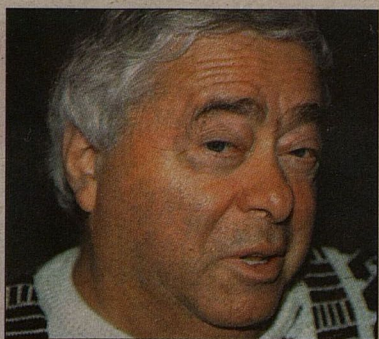
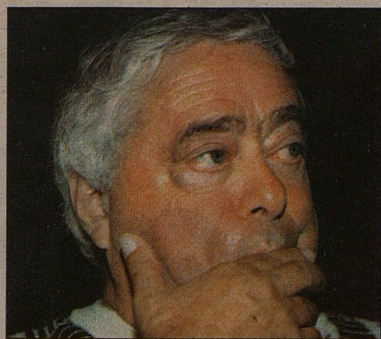
— Как бы сложилась ваша судьба, если б он сейчас был жив?

— Не думаю, что мы были бы вместе. Витю всегда тянуло в режиссуру. Он в актеры идти не хотел, это я его уговорил. Хотя, может, мы объединились бы на сцене для какого-нибудь большого проекта. Если б, конечно, нашли достойный материал. Потому что с авторами у нас всегда беда была.

— А как же Жванецкий?

— Миша — замечательный драматург, философ. У него потрясающее чувство ритма, но нельзя же всю жизнь работать с одним автором. И Витя, кстати, это первый почувствовал. Он говорил мне: «Рома, нам нужно искать авторов!» Но ничего не получалось. Мы давали Жванецкому отдохнуть, а потом опять возвращались к нему. Но сейчас сам Жванецкий от меня устал, и я работаю с Альтовым. Тоже хороший автор. Правда, Миша недавно как-то сказал мне: «Слушай, Рома! Я тебе миниатюру написал...» А потом сам себя остановил: «...Хотя зачем тебе миниатюра? Тебе же теперь спектакли подавай».

фото на развороте Григория Резанова, из семейного альбома Романа Карцева

Клоунада Карцева

Окончание. Начало на стр. 12

— Скажу честно, с нетерпением жду «Мастера и Маргариту» в постановке Бортко. Вы сразу согласились на роль киевского дяди Берлиоза?

— Конечно. Это же Бортко! Я с ним уже работал. Но я в кино особенно не рвусь. Кино — это, знаете ли... такое... такая мука и... удовольствие!

Путин должен знать нас по Питеру

— А вот, скажем, выступления перед очень большими людьми... Чего в этом больше — муки или удовольствия?

— (Улыбаясь.) Это тоже болезненная тема. В отношениях с властями всегда было и то, и другое. Сейчас, что хорошо, можно самому решать: иметь эти самые отношения или не иметь. А раньше выбирать было трудновато. Это была мука.

— А в чем же заключалось удовольствие?

— А удовольствие в том, как с этих концертов слезать! И мы с Виткой были большими мастерами этого дела. Сейчас все намного проще. Даже если позвонит президент, скажет: «Слышь, Рома, тут у нас нужно. В общем, это... приди, пожалуйста, выступи...» — я еще сильно подумаю, идти мне или нет. Если это, скажем, мероприятие за столами или в бане, то точно не пойду, кто бы ни приглашал. Хотя президент, а если нормально, на сцене, то...

— Пойдете?

— Ну, почему сразу «пойдете»? Я же сказал: буду думать.

— Вы так достоверно изображали, как к вам обращается президент: «Слышь, Рома...» — вы что, знакомы с Путиным?

— Да нет, лично вроде бы не общались. Хотя, я думаю, он нас по Питеру должен знать. Там как-то больше запоминаешь людей, чем в Москве...

— А теперь самая болезненная тема. Сейчас, после августовских терактов и трагедии в Беслане, Россия все больше становится похожа на один большой Израиль...

— О чем вы говорите? Боюсь, России и маленьким Израилем не стать! Потому что там все живут единым духом. А у нас такое было только во время войны с фашистами. А Моссад? Все знают, что это одна из сильнейших спецслужб в мире. У них среди террористов множество своих людей, осведомителей. Поэтому наиболее крупные теракты удается предотвратить. Кто-то, кажется Путин, недавно сказал, что нам нужно учиться у Израиля, как бороться с терроризмом. Самый простой пример. Как была оцеплена школа в Беслане?! Да никак! Рядом с местом трагедии ходили родственники, журналисты. Да в Израиле это место мгновенно было бы окольцовано и никого, кроме спецслужб, и близко не подпустили. А тут — столько жертв. Больно. С другой стороны, я все понимаю: Россия — огромная страна. Ею трудно руководить, ее трудно сдерживать, трудно охранять. А главное — во всех своих ошибках Россия снова и снова наступает на одни и те же грабли. Они уже стерлись, эти грабли, а она на них все наступает. Три кита, на которых стоит страна: вранье снизу, доверие, пьянство и воровство.

Как там у нас в «Зале ожидания» было: «Нефть продаем, газ продаем...» Как же там? Тыфу ты, недавно ж играл! Вот у Витки память была замечательная — только глянет на лист и сразу все помнит. Ну, в общем, как-то так: «Что имеем — не храним, потерявши — и хрен с ним!» И всегда так было. Такое впечатление, что только беда может сплотить нашу страну. И то ненадолго. Вот после Беслана пошумели, помитинговали. И что изменилось? Ничего. И что с чеченцами делать? Они ведь не все бандиты. У меня приятель-чеченец — потрясающий врач. А некоторые кричат: всех выселить! Страна обязана пресечь этот фашизм!

О всеобщем настроении суку по людям в метро

— А вы обратили внимание, что у нас в последнее время появился, точнее, вернулся старый источник всех бед — США? Опять стало модным не любить Америку.

— У меня отношение к ней с детства было другим. Помню, как после войны в Одессу «с дружественным визитом» пришел американский корабль. А мы тогда жили возле порта. Я гонял в фут-

бол с пацанами. И какой-то американский моряк угостил нас плиткой шоколада. Я до сих пор помню и моряка, и вкус того шоколада. С тех пор никакие карикатуры на Трумэна и следующих президентов на меня уже не действовали. Особенно после того, как сам побывал в Америке. У меня есть глаза — я все вижу. Вижу, что это страна, в которой заботятся о людях: о стариках, о больных, о бедных. И взятки не требуют, как у нас. У нас столько лет воспитывали патриотизм, да ничего не вышло. А у них один человек может подойти к другому и совершенно серьезно спросить: «Джон, почему ты так плохо делаешь свою работу?» У нас в лучшем случае ответят: «Да пошел ты!» — они же совершенно серьезно обсуждают, что могут сделать на благо общества. Это и есть гражданское общество. Это и есть патриотизм — и не словесный, а по делу! У нас же по-прежнему многие зомбированы на ненависть к Америке. Почему? Наверно, потому, что они богаче и успешней... Хотя сегодня и по всей земле так: кажется, что мир идет к своей гибели. Накоплено столько оружия, просто страшно. И не столько за себя,

сколько за детей, за внуков. Я опять мысленно вернусь в Москву. О всеобщем настроении суку по людям в метро...

— Вы ездите в метро? У вас что, нет машины?

— Есть, конечно. Но кому нужна эта машина с этими пробками! Так вот, люди в метро в основном хмурые, озабоченные. Не слышно смеха, не слышно шуток, не видно живой реакции. Может, этим настроением и объясняется то, что эти озабоченные люди приходят домой, включают телевизор с плохими программами и ржут до неприличия над какой-то ерундой.

— Ну, если не нравится то, что происходит в мире, и не совсем нравится то, что в стране, то, наверно, нужно искать счастья в семейной жизни?

— Наверно. Мне тут грех жаловаться. Я ни от кого не завишу. У меня замечательная семья. Дочка, сын. О сыне (он младший) я уже говорил. Дочь Лена подарила мне двух внуков. Старшая, Ника, в 6-й класс пошла, умная такая — весной от экзаменов освободили. А младший, Ленчик, здоровый такой парнишка. Думаю, спортсменом будет... Летом

по традиции ездил с женой, дочкой и внуками к морю...

— В Одессу?

— Ну почему если к морю, так обязательно в Одессу? Это, конечно, святое, но в отпуск мы больше любим круиз вокруг Европы: Греция, Италия, Франция, Испания, Англия... Очень хорошо. Одно обидно — раньше в круиз ходили на своих судах, Черноморского пароходства, а теперь больно смотреть: стоит в Одессе такой огромный шикарный морвокзал — и вокруг ни одного своего судна. Все разворовали, распродали, разрезали. Да-а... А круиз неплохой получился. Правда, я на экскурсии и не ходил почти. Насмотрелся всего этого уже. Получалось так: все мои разошлись, а я сижу на судне, Хармса зубрю. Или пойду бродить по палубам, найду какого-нибудь морячка, сяду с ним в шахматы играть — вот оно, счастье.

— Ну вот, слава Богу, к концу разговора нащупали здоровую тему.

— Ага, сейчас! Во второй половине круиза по вентиляции какой-то вирус передался. Чихали, кашляли страшно, все им переболели! В общем, и тут болезненная тема...

■ Олег Кудрин.

7 любопытных фактов из жизни актера

1. Свое происхождение Роман Андреевич описывает так: «Моя мама была еврейка-коммунист, а папа еврей-футболист. Папа из настоящей «молдаванской» семьи — родился на Молдаванке. А мама — из интеллигентной семьи: мой дед, ее отец, был кантор Одесской синагоги. Кстати, и мама хорошо пела».

2. В юности Рома, вслед за отцом, баловался футболом, но потом решил сосредоточиться на карьере болельщика. Любимые команды — «Черноморец» (Одесса), «Динамо» (Киев). В России ни к одному из клубов так и не пристроился, поэтому болеет просто за хороший футбол (с чем порой бывают проблемы). Любимый современный футболист — Андрей Шевченко.

3. В семье Ромы Каца все говорили на идише, а он понимал лишь отдельные слова. Когда нужно было сказать что-то секретное, родители тут же переходили на этот язык. Незадолго до смерти Ильченко актерский дуэт репетировал целый спектакль на идише. И русский Ильченко (изучавший немецкий язык) оказался в идише куда более продвинутым, чем Карцев.

4. В Московское училище циркового и эстрадного искусства Роман Кац поступил с шестой попытки (его сокурсником, кстати, был Евгений Петросян). Но когда вдруг оказалось, что два человека лишние, абитуриент с яркой фамилией Кац стал первым кандидатом на отчисление.

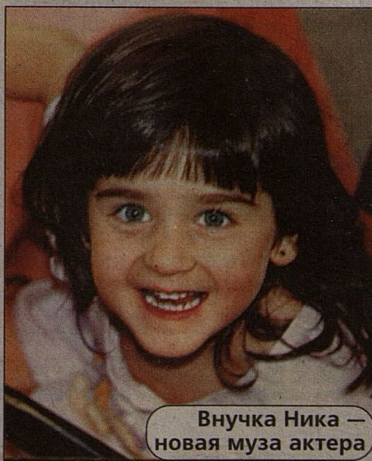
5. В театре у Карцева вкусы сугубо классические. Предпочитает большие, хорошо известные театры, а маленькие, камерные, не любит. Тяга к классике у него с детства, когда он с друзьями лазил в Оперный театр через окошко в женском туалете.

6. Артист Карцев тщательно следит за своей физической формой. Играет в теннис, плавает. В игре — азартен. А в бассейне, наоборот: «Плыву себе спокойно, плыву — тексты повторяю...»

7. По гастрономической части Карцев совсем прост: котлеты, пюре, огурчик. Уважает также рекламируемую Жванецким «картошечку с селедочкой». Из изысков — яичница, жаренная на сале.

Так начинался победный союз Романа с Викторией

Внучка Ника — новая муза актера

Малой (слева) и Сухой (справа) не дают сбежать Писателю